

УДК 80

doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.62-71

**ДОМ И СЕМЬЯ В РОМАНАХ «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»
М.А. БУЛГАКОВА И «САМОУБИЙСТВО» М.А. АЛДАНОВА:
ВЗГЛЯД НА РЕВОЛЮЦИЮ «ИЗНУТРИ» И «СНАРУЖИ»**

Е.В. Макарова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, 440026, Россия

Аннотация

В статье раскрывается социокультурное содержание понятия *домашний очаг* на фоне революционных событий 1917 г. в романах «Самоубийство» М.А. Алданова и «Белая гвардия» М.А. Булгакова. Выявлены ключевые мотивы в описании *домашнего очага* и определено сходство и различие в языковой репрезентации данного понятия при описании двух периодов жизни страны (в дореволюционную эпоху и в революционное время) с позиции автора – очевидца событий (в романе «Белая гвардия») и автора-эмигранта (в романе «Самоубийство»). Установлено, что в представлении *домашнего очага* периода дореволюционной России в изучаемых романах звучат мотивы благополучия и стабильности, преемственности поколений, жизни как праздника и праздника как традиции. Отмечается, что в эпизодах, повествующих о революционных событиях, языковая репрезентация *дома* и *семьи* существенно меняется: на передний план выходят мотивы обреченности, сожаления об утраченном, фантазмагоричности и призрачности бытия, фатальной поспешности, бессмысленности бегства, коренных изменений в быту и сознании, нарушения преемственности поколений.

Ключевые слова: мотив, дом, семья, домашний очаг, революция

Роман «Белая гвардия», создававшийся автором более семи лет и впервые опубликованный в 1925 г., является знаковым произведением в творчестве М.А. Булгакова. Посвященный Любове Белозерской, второй жене писателя, роман во многом автобиографичен и повествует о трагической судьбе русской интеллигенции в революционный период как враждебного новой власти класса. В годы революции и гражданской войны М.А. Булгаков оставался в России, что дает основания рассматривать роман «Белая гвардия» как взгляд на революционные события «изнутри» с позиции очевидца.

Роман «Самоубийство», впервые изданный в Нью-Йорке в 1958 г., напротив, создавался М.А. Алдановым в эмиграции, что позволяет интерпретировать это произведение как взгляд на русскую революцию «снаружи» через 40 лет, прошедших с момента этого исторического события.

Дом – одно из важнейших понятий в литературе эмиграции. Вслед за А. Зелениным будем рассматривать его в единстве трех его составляющих: как конкретное жилище, как семейно-бытовой уклад (очаг) и как государство в целом [1].

Выделим ключевые мотивы в описании *домашнего очага* и определим сходства и различия в языковой репрезентации данного понятия при описании двух периодов жизни страны (в дореволюционную эпоху и в революционное время) с позиции автора-очевидца (в «Белой гвардии») и автора-эмигранта (в «Самоубийстве»). Под «мотивами» будем понимать «проходящие через художественное произведение, творчество художника или через целое направление компоненты формы, элементы сюжета или темы, настроения» (Т.С., с. 459).

Представление *домашнего очага* в период дореволюционной России в этих романах роднят следующие мотивы.

- *Мотив благополучия и стабильности.* Семья как оплот дома (символа стабильности) является многовековым, традиционным культурно-социальным мотивом [1, с. 236]. Ключевым в описании благополучного *домашнего очага* семьи Ласточкиных в романе М.А. Алданова «Самоубийство» становится сочетание старого и нового, традиций и инноваций: «В этот июньский солнечный день, ровно в восемь часов утра он... в прекрасном, тщательно выглаженном сером костюме, ...вышел в столовую и с удовлетворением окинул взглядом накрытый белоснежной скатертью стол. <...> Уже был соединен со штепселем небольшой серебряный электрический самовар, – непринятая в Москве новинка. <...> ...лет пять тому назад, когда стал много зарабатывать, снял в старом доме поместительную квартиру с большими высокими комнатами, с толстыми стенами, с голландскими печами; произвел в ней капитальный ремонт...» (С., с. 157).

Сдержанность, прочность, стабильность в сочетании с разумными инновациями – вот ключевые характеристики дореволюционного *домашнего очага* Ласточкиных. Благополучие и уют не были для хозяина и хозяйки дома подарком небес, а активно создавались и трепетно поддерживались ими благодаря усердному ежедневному труду, что позволяло домочадцам чувствовать себя творцами собственной судьбы, надежно защищенными нерушимыми стенами родного дома: «Все в доме сверкало чистотой и, несмотря на размеры комнат, вся квартира была уютной. Она была создана на заработки Ласточкина, это особенно умиляло его жену. Говорила, что чувствует себя дома “как за каменной стеной”... На электрическом приборе, поджаривались тосты. В герметически закрывавшейся коробке был чай. Приказчик сообщил Ласточкину, что той же самой смесью чаев всегда пользовались китайские богдыханы, – Татьяна Михайловна дразнила мужа этим чаем, и его самого называла богдыханом» (С., с. 159).

Как и в романе М.А. Алданова «Самоубийство», *домашний очаг* в «Белой гвардии» М.А. Булгакова несет в себе исключительно положительную семантику тихой обители, оазиса добра, теплоты и уюта. *Дом* – это «не только совокупность суждений, относящихся к эстетическим оценкам устройств быта или составляющих этот быт предметов. Это и переживание таких социально-детерминированных чувств, как свежесть и чистота, совершенство и завершенность, уют и защищенность. Это и “маленькие домашние удовольствия”, вызванные игрой памяти, воображения, идеалов с обонятельными, слуховыми, тактильными ощущениями» [2, с. 325]. Для главных героев дом – цитадель постоянства, надежная защита от внешнего мира, «двойственности зыбкого времени» (Б.Г., с. 33).

Домашний очаг в романе М.А. Булгакова может быть рассмотрен как символ родительства: «Вот этот изразец, и мебель старого красного бархата, и кровати с блестящими шишечками, потертые ковры, пестрые и малиновые, с соколом на руке Алексея Михайловича, с Людовиком XIV, нежащимся на берегу шелкового озера в райском саду, ковры турецкие с чудными завитушками на восточном поле..., бронзовая лампа под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовою, Капитанской Дочкой, золоченые чашки, серебро, портреты, портьеры, – все семь пыльных и полных комнат, выросших молодых Турбиных» (Б.Г., с. 9).

• *Мотив преемственности поколений* в романе «Белая гвардия» олицетворяют часы: «Били в столовой черные стенные часы башенным боем. Покупал их отец давно, когда женщины носили смешные, пузырчатые у плеч рукава. Такие рукава исчезли, время мелькнуло, как искра, умер отец-профессор, все выросли, а часы остались прежними и били башенным боем. К ним все так привыкли, что, если бы они пропали как-нибудь чудом со стены, грустно было бы, словно умер родной голос и ничем пустого места не заткнешь. Но часы, по счастью, совершенно бессмертны, бессмертен и Саардамский Плотник, и голландский изразец, как мудрая скала, в самое тяжкое время живительный и жаркий» (Б.Г., с. 9). Часы служат напоминанием о мелочности мирских событий, даже трагедий и смертей, на фоне времени. У М.А. Булгакова часы наделяются человеческими качествами, например, способностью сопереживать семье Турбиных. Они ярко показывают малейшие изменения в эмоциональном состоянии главных героев, отражают весь спектр противоречивых человеческих чувств от печали, тоски и угнетения до высшей степени радости и подъема душевных сил: «Пятнадцатого декабря солнце по календарю угасает в три с половиной часа дня. Сумерки поэтому побежали по квартире уже с трех часов. Но на лице Елены в три часа дня стрелки показывали самый низкий и угнетенный час жизни – половину шестого. Обе стрелки прошли печальные складки у углов рта и стянулись вниз к подбородку. В глазах ее началась тоска и решимость бороться с бедой. <...> На сером лице Лариосика стрелки показывали в три часа дня высший подъем и силу – ровно двенадцать. Обе стрелки сошлись на полудне, слиплись и торчали вверх, как острие меча» (Б.Г., с. 184–186).

В романе «Самоубийство» идею преемственности поколений олицетворяет дружеское застолье: «Особенно охотно собирались у Ласточкиных: у Нины большая комната с мягкой удобной мебелью. Хозяин и хозяйка иногда заходили на минуту – "пожать руку" – и тотчас исчезали. Зато присылали превосходное угощение. Ужинов Нина у себя почти никогда не устраивала, так как далеко не все другие могли бы это себе позволить, а надо было по возможности соблюдать бытовое равенство. Но к чаю Федор... приносил в изобилии бутерброды, торты, печенье, даже ром и коньяк, имевшие особенный успех. Из комнаты до поздней ночи доносились веселые голоса, хохот, иногда музыка» (С., с. 176). В описании дружеских застолий молодого поколения русской интеллигенции центральной фигурой становятся даже не герои романа, а сама дружеская беседа, она одушевляется автором и олицетворяет богатство духовной культуры действующих лиц, принимающих в ней участие.

Важно отметить, что *мотив жизни как праздника, праздника как традиции* отличает описание *домашнего очага* периода дореволюционной России в романе М.А. Алданова «Самоубийство» от соответствующего описания *дома и семьи* в «Белой гвардии» М.А. Булгакова. Подобное отличие объясняется очевидной склонностью писателя-эмигранта к ностальгическому воспроизведению дореволюционной действительности. «Оказавшись за границей, человек по-иному воспринимает многие вещи, казавшиеся естественными в родной стране, в родной культуре. Да и само понятие «дом» зачастую переосмысливается, углубляется, наполняется иными, чем на родине, эмоционально-ассоциативными элементами, коннотативными оттенками» [1, с.233].

Изобилие и дружеские застолья – центральные образы в описании *домашнего очага* царской эпохи в романе «Самоубийство»: «На вечерах у Ласточкиных обычно собиралось человек двадцать пять или тридцать. Хозяева одинаково были рады всем, не считались с известностью гостя, всем говорили приятное, всех кормили и поили на славу» (С., с. 204). Подобные застолья были изобильны не только в гастрономическом, но и в культурном плане: наряду с разнообразными угощениями, гости «вкушали и пищу духовную»: «В Москве литературные салоны были в большей моде, чем музыкальные. Ласточкин у себя устроил музыкальный, понимая, что такой у него выйдет лучше. <...> Татьяна Михайловна... подчинилась желанью мужа и старалась, чтобы приглашенные скучали возможно меньше, хорошо ели, хорошо, но в меру пили» (С., с. 206–207).

Итак, сходными в описаниях *домашнего очага* в период дореволюционной России в романах М.А. Алданова и М.А. Булгакова являются *мотивы благополучия и стабильности, преемственности поколений. Мотив жизни как праздника, праздника как традиции*, красноречиво звучащий в прозе М.А. Алданова, не характерен для описаний *дома, семьи* и быта главных героев произведения М.А. Булгакова. Возможно, подобное отсутствие стремления к ностальгическим воспоминаниям о дореволюционных праздниках и элементах действительности, с ними связанных, объясняется непосредственной вовлеченностью в революционные события, с позиций которых утрата многих аспектов прежней жизни еще не очевидна, а сами эти аспекты еще не окрасились теми ностальгическими эмоционально-ассоциативными оттенками, которые они приобретут по прошествии многих лет в восприятии свидетелей исторических событий. «Вынужденное бездомье эмигрантов обновило в концепте-символе те смыслы, ассоциативные ряды, которые ранее были либо затушеваны, спрятаны, находились в семантической “тени”, либо возникли, актуализировались именно в эмигрантский период жизни» [1, с. 234].

В прозе М.А. Алданова и М.А. Булгакова описание *дома и семьи* в дореволюционную эпоху резко контрастирует с языковой репрезентацией *домашнего очага* главных героев их произведений в революционное время. Там звучат совершенно другие мотивы. «Исчезновение или потеря дома – это архетипический сюжет, это катастрофа; это противоречит нашему представлению о доме как о долговечном, прочном и упорядоченном мире и обозначает разрыв с прошлым» [3, с. 41].

• *Мотив сожаления об утраченном.* Привычное веселье и сытость дружеских застолий сменяет гораздо более скромная трапеза по особому случаю, попытки воссоздать былое изобилие становятся неуместны и неуклюжи: «Медали за храбрость и боевые заслуги вы не получите, зато я вас награжу: к обеду достали шпроты, картошку и два фунта колбасы. Будете есть их с альбертиками. Шампанского вы, Алексей Алексеевич, не любите, да и неприлично было бы теперь пить шампанское» (С., с. 257).

Утрата многих семейных радостей неизбежна, хотя семья Турбиных – героев романа «Белая гвардия» – и делает все возможное, чтобы сохранить тепло и уют *домашнего очага* даже в эпоху разрушительных перемен: «На столе чашки с нежными цветами снаружи и золотые внутри, особенные, в виде фигурных колонок. <...> Скатерть, несмотря на пушки и на все это томление, тревогу и чепуху, бела и крахмальна. Это от Елены, которая не может иначе, это от Анюты, выросшей в доме Турбиных. Полы лоснятся, и в декабре, теперь, на столе, в матовой колонной вазе голубые гортензии и две мрачных и знойных розы, утверждающие красоту и прочность жизни, несмотря на то, что на подступах к Городу – коварный враг... <...> Под тенью гортензий тарелочка с синими узорами, несколько ломтиков колбасы, масло в прозрачной масленке, в сахарнице пила-фраже и белый продолговатый хлеб. Прекрасно можно было бы закусить и выпить чайку, если б не все эти мрачные обстоятельства» (Б.Г., с. 15–16). Этот же мотив явственно звучит в детальном описании столовой и столовых принадлежностей, в авторском повествовании они предстают как символ семейного единства. «Сервиз безумно жаль» (Б.Г., с. 182) – разбитый сервиз ассоциируется с разрушением *домашнего очага*, нарушением традиций. Ваза предстает в романе как символ неудачного супружества, следующая метафора выражает мотив сожаления об утраченном: «...Образовалась какая-то трещина в вазе турбинской жизни, и добрая вода уходила через нее незаметно. Сух сосуд. Пожалуй, главная причина этому в двухслойных глазах капитана Генерального штаба Тальберга, Сергея Ивановича...» (Б.Г., с. 25).

• *Мотив фантазмагоричности, иллюзорности, призрачности бытия* выражает пролонгированная метафора, основанная на противопоставлении эвклидова мира геометрии Лобачевского: «Ласточкины после октябрьского переворота чувствовали себя почти так, как мог бы себя чувствовать человек, проживший жизнь в эвклидовом мире и внезапно попавший в мир геометрии Лобачевского» (С., с. 533). Внешний мир представляется отныне настолько враждебным, что в его реальность не хочется верить.

Все описания *домашнего очага* в романах «Самоубийство» и «Белая гвардия» построены на антитезах «внешнее – внутреннее», «хаос – порядок», «вьюга – тепло», «мы – они». Ассоциируемая с вьюгой революция со всей ее «кутермой и безобразием» врывается в безмятежный уют *домашнего очага* Турбиных: «По всей квартире сухим ветром пронеслась тревога...» (Б.Г., с. 273).

«Мой дом – моя крепость» – это крылатое выражение как нельзя лучше описывает *домашний очаг* семьи Турбиных, однако крепости этой грозит смертельная опасность; кажется, это понимают не только главные герои романа, но даже и предметы интерьера. Олицетворение превращает их из бытовых объектов в полноправных «обитателей» *домашнего очага*, которые живут собственной

жизнью вместе с ключевыми персонажами и соперживают им. Одушевляется самовар: «Николка из кухни тащит самовар, и тот поет зловеще и плюется» (Б.Г., с. 15), печь: «...Изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку» (Б.Г., с. 9).

• *Мотив обреченности* как ведущий аспект репрезентации *домашнего очага* в период революционного времени в оппозиции «внешнее – внутреннее», «мы – они» с очевидной положительной окрашенностью первого понятия и негативной оценкой второго превалирует в описании душевного состояния главных героев романа «Самоубийство»: «Зимой топить будет нечем. На жалованье Мити и впроголодь жить будет нельзя. *Они* кончатся? Только на это и надежда, но до того, как кончатся *они*, кончимся мы, если не физически, то морально» (С., с. 556).

Антитеза «уют, порядок, спокойствие – разорение, хаос, поспешность» является ключевой в описании спальни Тальбергов в романе «Белая гвардия»: «Елена торопливо ушла вслед за ним на половину Тальбергов в спальню, где на стене над кроватью сидел сокол на белой рукавице, где мягко горела зеленая лампа на письменном столе Елены и стояли на тумбе красного дерева бронзовые пастушки на фронтоне часов, играющих каждые три часа гавот <...> ...Через полчаса все в комнате с соколом было разорено. Чемодан на полу и внутренняя матросская крышка его дыбом. <...> А потом... потом в комнате противно, как во всякой комнате, где хаос укладки, и еще хуже, когда абажур сдернут с лампы. Никогда. Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священен. Никогда не убегайте крысшей побежкой на неизвестность от опасности. У абажура дремлите, читайте – пусть воет вьюга, – ждите, пока к вам придут» (Б.Г., с. 26–27).

В ряду символических предметов *домашнего очага* особенно значим абажур как воплощение тепла и уюта: «...В «Белой гвардии» Булгаков воспекает абажур – символ тепла, уюта, семьи» [4, с. 139]. В романе абажур ассоциируется также с утраченной защитой, он связан с *мотивом фатальной поспешности, бессмысленности бегства*. Этот мотив не представлен в романе М.А. Алданова «Самоубийство», опубликованном в более позднее время.

Центральной фигурой в описании *дома и семьи* в «Белой гвардии» М.А. Булгакова все же остается женщина как хранительница уюта и тепла *домашнего очага*. С изменением душевного состояния женщин семейства меняется и сам *домашний очаг*: покой на сердце у Елены – спокойно и домочадцам, тревожно хозяйке дома – тревожатся и братья, и все предметы в доме, становится темно и тоскливо: «Темно. Темно во всей квартире. В кухне только лампа... сидит Анюта и плачет, положив локти на стол. Конечно, об Алексее Васильевиче... В спальне у Елены в печке пылают дрова. Сквозь заслонку выпрыгивают пятна и жарко пляшут на полу. Елена сидит, наплакавшись об Алексее, на табуреточке, подперев щеку кулаком» (Б.Г., с. 168–169). Если же хранительницей *домашнего очага* овладевает отчаяние, то даже бессменный страж домашнего уюта – зеленый абажур – не в силах больше выполнять свою главную задачу – защищать домочадцев от невзгод внешнего мира: «Хоть на лампе и был абажур, в спальне Елены стало так нехорошо, словно кто-то сдернул цветистый шелк и резкий свет ударил в глаза и создал хаос укладки. Лицо Елены изменилось,

стало похоже на старинное лицо матери, смотревшей из резной рамы. Губы дрогнули, но сложились презрительные складки» (Б.Г., с. 282).

Описания *дома и семьи* главных героев романов «Белая гвардия» и «Самоубийство» в революционное время объединяют *мотивы сожаления об утраченном, обреченности, фантазмагоричности, иллюзорности, призрачности бытия*. Вместе с тем стоит отметить и существенные различия в языковой репрезентации *домашнего очага* в эпоху революционных преобразований. В прозе автора – свидетеля революции – явственно звучит мотив фатальной поспешности, бессмысленности бегства, тогда как писатель-эмигрант не придает столь существенного значения этим аспектам общественных умонастроений в эпоху перемен, при этом выдвигая на передний план иные мотивы; описывает процессы, лишь зарождавшиеся в момент коренного перелома политической и общественной жизни страны. По причине их постепенного развития эти процессы стали заметны лишь многие годы спустя.

- *Мотив коренных изменений в быту и сознании*. В революционное время меняется назначение комнат и их убранство, образ жизни главных героев становится другим, с уменьшением жилплощади сужается их личное пространство: «Спальная – прежняя столовая – была почти пуста: оставались только кровать и диван, ночной столик между ними и одно кресло; да еще на стене висели на гвоздях немногочисленные платья и два мужских костюма. Все остальное было продано» (С., с. 557); «Скоро у Ласточкиных человек в кожаной куртке отобрал рояль. Теперь они и не спорили. Играть все равно было трудно, а продать рояль невозможно» (С., с. 559). Будучи не в силах противостоять варварскому разорению *домашнего очага*, потеряв материальное благополучие, Ласточкины все же пытаются сохранить духовное богатство, защитить семейные ценности. В эпизодах романа «Самоубийство», связанных с революционными событиями, явственно прослеживается дуализм в описании *домашнего очага*, выделение в нем внешнего – материального – и внутреннего – духовного – аспектов.

Если в царскую эпоху весь мир воспринимался главными героями как уютный, благополучный *домашний очаг*, то в результате революционных преобразований материальный мир сузился до размеров небольшой спальни, служившей когда-то столовой. От былого изобилия и достатка не осталось и следа, в то время как каменные стены внутреннего очага, ассоциируемого отныне с душевным миром крепкого, основанного на духовности семейного союза, продолжают держать оборону: «Ложились они теперь рано и до полуночи читали в спальне при свете керосиновой лампы, как в пору детства Дмитрия Анатольевича» (С., с. 556); «По вечерам Ласточкины читали классиков: всех потянуло к тому, что было *бесспорно* в русской культуре» (С., с. 554).

В описании *домашнего очага* эпохи революции в противовес царскому времени одним из наиболее красноречивых является *мотив нарушения преемственности поколений*, поругание прежних эстетических и духовно-нравственных ценностей представляется как наиболее тяжкая утрата: «Отравляли жизнь только подростки, на редкость буйные, дерзкие, вечно скандалившие и грубившие родителям. Они выбрали себе гостиную, которую когда-то обставила Нина. По-видимому, их прельстила круглая форма этой комнаты.

Расставили в ней кровати и покрыли содранным со стен шелком» (С., с. 558)]. Подобные изменения, которым подвергся домашний очаг в ходе революционных событий, не оставляет надежд на светлое завтра.

Страстное стремление Турбиных и Ласточкиных даже на фоне внешней катастрофы во что бы то ни стало сохранить *домашний очаг* прежним и неизменным напрямую связано с желанием в момент вселенского хаоса не потерять человеческий облик. Одушевляя *домашний очаг*, изображая его как одного из главных персонажей романа, авторы идеализируют личностей, чей нравственный выбор – сохранять достоинство и верность моральным ценностям, а не бежать «крысёй побегом в неизвестность от опасности» (Б.Г., с. 25), теряя в своей поспешности главную ценность – душу.

Домашний очаг в романе М.А. Булгакова рисуется посредством разнообразных деталей: изразцовой печи, мрачно поющего самовара, сдернутого с лампы зеленого абажура, разбитого фамильного сервиза с синими узорами, черных часов с башенным боем. В восприятии главных героев такие родные и дорогие сердцу предметы быта в годы революции злоежде меняются. В романе М.А. Алданова ключевыми символами в описании *домашнего очага* становятся шампанское и дружеская беседа в качестве вещественного и духовного воплощения жизни как праздника, сочетание традиций и инноваций как залог благополучия и стабильности. Хотя *домашний очаг* нерушим в сознании Турбиных и Ласточкиных, в реальности он рушится одновременно с крушением семейных традиций и ценностей как социального явления.

В описаниях *домашнего очага* дореволюционной России в романах «Белая гвардия» М.А. Булгакова и «Самоубийство» М.А. Алданова явственно звучат *мотивы благополучия и стабильности, преемственности поколений*. При этом писателем-эмигрантом выделяется также *мотив жизни как праздника и праздника как традиции*. В эпизодах, повествующих о революционных событиях, описание *дома и семьи* существенно меняется: на передний план выходят *мотивы обреченности, сожаления об утраченном, фантасмагоричности и призрачности бытия*. В «Белой гвардии» М.А. Булгакова особую значимость приобретает *мотив фатальной поспешности, бессмысленности бегства*, а в «Самоубийстве» М.А. Алданова отчетливо звучат *мотивы коренных изменений в быту и сознании, нарушения преемственности поколений*.

Источники

- Б.Г. – Булгаков М.А. Белая гвардия. – М.: Эксмо, 2018. – 480 с.
С. – Алданов М.А. Самоубийство. – М.: Эксмо, 2011. – 640 с.
Т.С. – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: А ТЕМП, 2016. – 896 с.

Литература

1. Зеленин А. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). – СПб.: Златоуст, 2007. – 380 с.
2. Корнейчук С.П., Скнар Г.Д. Концептуализация «Эстетики быта» в произведениях И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого // Динамика языковых и культурных процессов

- в современной России. – СПб.: РОПРЯЛ, 2018. – Вып. 6: Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 окт. 2018 г.). – С. 325–330.
3. *Радомская Т.И.* Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX века: опыт духовного, семейного, государственного устроения. – М.: Совпадение, 2006. – 237 с.
 4. *Белозерская-Булгакова Л.Е.* Воспоминания. – М.: Худож. лит., 1989. – 223 с.

Поступила в редакцию
30.06.2020

Макарова Елена Витальевна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного
Пензенский государственный университет
ул. Красная, д. 40, г. Пенза, 440026, Россия
E-mail: makelvita@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)
2020, vol. 162, no. 5, pp. 62–71

doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.62-71

***Home and Family in the Novels “The White Guard” by M.A. Bulgakov
and “The Suicide” by M.A. Aldanov:
A Look at the Revolution from the “Inside” and the “Outside”***

Y.V. Makarova

Penza State University, Penza, 440026 Russia
E-mail: makelvita@yandex.ru

Received June 30, 2020

Abstract

The sociocultural content of the concept of *family hearth* under the conditions of the revolutionary events of 1917 described in the novels “The Suicide” (‘Samoubiistvo’) by M.A. Aldanov and “The White Guard” (‘Belaya gvardiya’) by M.A. Bulgakov was revealed.

The relevance of the study is determined by the fact that the concepts of *home* and *family* are the basic components of the sociocultural consciousness of any society.

The study was performed with the aim of identifying key motifs in the description of *home*, as well as similarities and differences in the linguistic representation of this concept when describing two periods in the history of Russia (during the pre-revolutionary and revolutionary times) from the position of the author as an eyewitness to the events and the author as an emigrant.

The following conclusions were made: in the descriptions of *home* of the pre-revolutionary Russia in the novels “The White Guard” by M.A. Bulgakov and “The Suicide” by M.A. Aldanov, the motifs of the well-being, stability, and continuity of generations are emphasized. In the episodes depicting the revolutionary events, the linguistic representation of *home* and *family* changes considerably: the motifs of doom, regret about the lost, surrealism, and tenuous imaginings become evident.

The results obtained are important for linguistic analysis of some passages of the text needed for the adequate perception of the novels “The White Guard” by M.A. Bulgakov and “The Suicide” by M.A. Aldanov.

Keywords: motif, home, family, hearth, revolution

References

1. Zelenin A. *Yazyk russkoi emigrantskoi pressy (1919–1939)* [The Language of Russian Émigré Press (1919–1939)]. St. Petersburg, Zlatoust, 2007. 380 p. (In Russian)
2. Korneichuk S.P., Sknar G.D. Conceptualization of the “Everyday life aesthetics” in the literary works by I.S. Turgenev and L.N. Tolstoy. In: *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii* [Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia]. Issue 6: Proceedings of the VI Congress of the Russian Association of Teachers of Russian Language and Literature (Ufa, Oct. 11–14, 2018). St. Petersburg, ROPRYaL, 2018, pp. 325–330. (In Russian)
3. Radomskaya T.I. *Dom i Otechestvo v russkoi klassicheskoi literature pervoi treti XIX veka: opyt dukhovnogo, semeinogo, gosudarstvennogo ustroeniya* [Home and Homeland in the Russian Classical Literature of the First Third of the 19th Century: Religious, Family, and State Organization]. Moscow, Sovpadenie, 2006. 237 p. (In Russian)
4. Belozerskaya-Bulgakova L.E. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Khudozh. Lit., 1989. 223 p. (In Russian)

Для цитирования: Макарова Е.В. Дом и семья в романах «Белая гвардия» М.А. Булгакова и «Самоубийство» М.А. Алданова: взгляд на революцию «изнутри» и «снаружи» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 5. – С. 62–71. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.62-71.

For citation: Makarova Y.V. *Home and family* in the novels “The White Guard” by M.A. Bulgakov and “The Suicide” by M.A. Aldanov: A look at the revolution from the “inside” and the “outside”. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 5, pp. 62–71. doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.62-71. (In Russian)